

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ВОЕННОПЛЕННЫМ В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. (на материалах Астраханской губернии)

Е.Г. Тимофеева
(Россия, Астрахань)

Статья посвящена изучению российской провинции на примере Астраханской губернии в годы Отечественной войны 1812 г. Автор рассмотрел вопросы восприятия событий войны 1812 г. местными элитами и рядовыми жителями (представителями различных социальных, профессиональных, этноконфессиональных групп), взаимоотношения с военнопленными французской армии.

Article is devoted to studying of the Russian province, on an example of the Astrakhan province, in days of Patriotic war of 1812. The author considered questions of perception of events of war of 1812 local elite and ordinary inhabitants (representatives of various social, professional, ethnoconfessional groups), relationship with prisoners of war of the French army.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., провинциальное общество, социокультурное пространство, военнопленные, городское общественное управление.

Key words: Patriotic war of 1812, provincial society, sociocultural space, prisoners of war, public administration.

В соответствии с циркулярным предписанием Министерства полиции от 29 августа 1812 г. за подписью главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова Астраханская губерния, наряду с Пермской, Оренбургской, Саратовской и Вятской, назначалась местом пребывания военнопленных наполеоновской армии [1, л. 2]. Десятки тысяч пленных направлялись во внутренние губернии России, на местную власть ложилась ответственность по их размещению, снабжению одеждой и обувью, выплате жалования, оказанию врачебной помощи, надзору.

По распоряжению астраханского гражданского губернатора С.С. Андреевского пленных планировали разместить как в губернских, так и в уездных городах. Астраханский городской голова Петров в октябре 1812 г. рапортовал губернатору о возможности расселения пленных как по «обывательским квартирам», так и в военных казармах (каменных Армянских, Рождественских, Кремлевских). Пограничное положение губернского города требовало присутствия здесь достаточного количества военных, для которых в начале XIX в. построили несколько казарм. Например, в Кремлевские казармы переселили солдат и офицеров из 269 частных домов. Казенный постой являлся тяжелым бременем для горожан, размещение военных – заботой городских властей [16, с. 261].

Срочно освобождали и Рождественские казармы, занимаемые морскими служащими 86 корабельного экипажа и Каспийского батальона. Их вместе с женами и детьми разместили на Цареве в домах татар.

Поскольку специально обустроенных зданий в уездных городах не было, планировали расселить пленных в домах обывателей под надзором полиции, проводя каждый субботним утром переключку военнопленных.

Астраханской врачебной управе предписывалось назначить медицинского чиновника «на случай болезни» военнопленных. Астраханская казенная палата выделила деньги (жалование) на их содержание. Так, в соответствии с принятыми нормами, генералы получали по 3 руб. в сутки, полковник и подполковники – по 1 руб. 50 коп., майоры – по 1 руб., обер-офицеры – по 50 коп., солдаты («нижние чины») – по 5 коп. Последним полагался и месячный провиант (мука, крупа) [2, л. 6, 96].

Заведывание военнопленными возложили на губернского уоловных дел стряпчего Г. Змиева, испытанного в успешном исполнении порученных дел. В самой Астрахани за пленных «отвечал» штаб-капитан Курбатов, в марте 1814 г. его сменил касир коммерческого банка Г. Стукальский [3, л. 4 об., 349].

Первую партию военнопленных 19 ноября 1812 г. привел в Астрахань из Киева через Тамбов майор Грушевский. Поход продолжался три месяца и 20 дней. Конвойная команда доставила одного штаб-, 15 обер-офицеров и 261 солдата (12 человек, оставленные «за болезнью» в г. Царицыне, прибыли в г. Астрахань в январе 1813 г.). Это были поляки, французы, пруссаки, саксонцы, голландцы, итальянцы, испанцы. Офицеров разместили на Казачьем бугре, рядовых – в старых казармах (Армянских и Рождественских), новыми считались недавно отстроенные казармы в Астраханском кремле. Летом офицеров перевели в Астрахань и разместили в Армянских казармах [3, л. 151–155].

Караульная служба состояла из 1 обер-, 2 унтер-офицеров, 22 рядовых Астраханского гарнизонного полка. Девять унтер-офицеров-«наблюдателей» находились внутри казарм «безотлучно». «Добропорядочные старые солдаты» призваны были предупреждать возможные беспорядки, заниматься раздачей дров, провианта и «ни под каким предлогом не давать пленным отлучаться из казарм».

Для прибывших поляков Астрахань являлась транзитным пунктом в их дальнейшем следовании на Кавказ, в г. Георгиевск. На Кавказ из Астрахани было переправлено 27 обер-офицеров и 720 нижних чинов польской нации [18, с. 308]. Однако долгие переходы вызвали среди пленных многочисленные болезни. Большинство из них не имели одежды, соответствовавшей времени года, были «оборваны, одеты в рубище», а начавшиеся ранние морозы определили решение правительства оставить пленных в Астрахани до весны 1813 г. Предстояло обеспечить их теплой и прочной одеждой и обувью.

Пленникам полагалась шапка из простого сыромяжного сукна, полушубок овчинный, кафтан или армяк, штаны армяжные, рубашка, онучи крестьянские, рукавицы, лапти. Офицерам давали вместо полушубков овчинные тулупы, вместо кафтанов – шинели, впрочем, они вполне могли покупать ее себе сами. «Казенный интерес» стремились соблюдать во всем.

Андреевский принял решение о расходе суммы в 6000 руб., взятой из пожертвований, сделанных астраханцами на нужды войны. Одежду для военнопленных либо шили на заказ, либо покупали. Годилась и крестьянская одежда – крепкая, пригодная для ношения. С ослаблением холодов, зимние вещи, «за счет казны построенные», изымали и хранили «до времени». Экипировку пленных поручили смотрителю рыбной экспедиции Г. Русинову [4, л. 240–241].

В декабре 1812 г. из Тамбова под конвоем чиновника Нудольского в сопровождении двух рядовых в Астрахань прибыли именитые пленные: два генерала, 3 штаб- и 2 обер-офицера.

Французский бригадный генерал барон Жан Пельтье и польский бригадный генерал граф Тадеуш Тышкевич принадлежали к 5 корпусу князя Понятовского. Тышкевич до окончания срока плена жил в Астрахани, Ж. Пельтье в октябре 1813 г. перевели на жительство в Красный Яр. Среди прочих пленных офицеров в Астрахани – полковник Мора, подполковник Цван, штаб-лекарь Мильдо, подпоручик граф Салюс, поручик граф Норбон [5, л. 252, 261].

Такое большое количество именитых пленников беспокоило губернатора Андреевского. 19 декабря 1812 г. он писал Вязмитинову, что хотя все военнопленные чиновники оставлены в Астрахани «под приличным надзором и наблюдением», неизвестно какое влияние они окажут на население города, наполненного «разных наций азиатским народом». В целях безопасности просил отправить пленных в уездный город Красный Яр, огражденный со всех сторон водной преградой. Из Санкт-Петербурга последовало разрешение, и Красный Яр стал местом нахождения военнопленных наполеоновской армии.

Так, в начале февраля 1813 г. из Армянских казарм отправили на жительство в Красный Яр 100 человек нижних чинов в сопровождении конных казаков. Экипированы они были должным образом: серого сукна фуражки, армяки, панталоны, рукавицы, овчинные тулупы, холщевые рубашки, серые суконные онучи, лапти в количестве 2 пар на каждого. Красноярский городничий Богомоллов, чтобы обеспечить

100 человек пленными продовольствием, занял деньги из «градских доходов» – 195 руб. 11 коп. [6, л. 15].

Стряпчий Змиев испрашивал разрешения губернатора о свободном посещении пленными домов горожан, приглашавших их в гости. Обыватели должны были относиться к пленным «ласково и человеколюбиво», а пленным следовало вести себя «смирно и добропорядочно».

Третью партию военнопленных, шедшую из Рязани через Тамбов, доставил подпоручик Мартынов в январе 1813 г. Это был тяжелый переход. Из 466 человек, отправившихся в путь, до Астраханской губернии дошли 243 пленными. Всю партию оставили в уездных городах: Черном яру – 159 человек и Енотаевске – 84 человека. В связи с задержкой денег на содержание военнопленных, хозяева домов снабжали их пищей до поступления нужных сумм. В этой же партии находились 6 женщин. Из 17 женщин, отправленных в Астрахань – три умерли на марше, 8 – были оставлены в Саратове по болезни. Поначалу они не получали жалования, только «кормовое довольствие». Городничие спрашивали у губернатора, за счет каких средств их содержать? На что последовало распоряжение: узнать кто они, откуда, какой нации, имеют ли при себе мужей? Этот вопрос рассматривался на заседании комитета министров. После долгих обсуждений решили женщинам-солдаткам выдавать по 5 коп. в сутки [7, л. 237–240].

Весной и летом 1813 г. сотни пленными пребывали в Астраханскую губернию из Саратова, Балашова, Вологды. Их основное число составляли поляки, следовавшие транзитом на Кавказ.

Зимой 1813 г. передвижение военнопленных было приостановлено. Пленники нуждались в отдыхе, теплой одежде, лечении. Нужно было распределить ресурсы для содержания военнопленных, привести в порядок отчетность, свидетельствующую о количестве пленными, их национальном составе, занятиях, званиях, родах войск и др. Согласно рапорту С.С. Андреевского Вязмитинову от 15 февраля 1813 г., в Астраханской губернии находились в статусе военнопленных 2 генерала, 3 штаб-офицера, 24 обер-офицера (17 поляков, 10 французов, саксонцев, австрийцев), 491 рядовой наполеоновской армии [8, л. 1].

Наступление зимы потребовало обеспечить военнопленных теплой одеждой и обувью. Осенью 1813 г. из Санкт-Петербурга последовало разрешение для пленными офицеров, получавших по 50 коп. в день на свое содержание, и солдат, не имевших других способов одеть себя «по старости или увечью», получить для этих целей пособие. Первым полагалась сумма в 100 руб., солдатам – 10 руб. Этим правом воспользовалось 32 обер-офицера (32000 руб.) и 13 рядовых (130 руб.) [9, л. 192].

Для пошива одежды ткани закупали у астраханских купцов. Так, в мае 1813 г. от купца Алексея Сапожникова «приняли» 655 аршин сукна и более 3022 аршин холста для «построения приличной одежды» для поляков, прибывших из Черного Яра. У него же летом 1813 г. закупили 1000 аршин сукна для пошива курток, панталон, фуражек, в «коих был совершенный недостаток» у 212 поляков, прибывших из Саратова и Балашова. Астраханскому мещанину М. Михайлову «выдали» 100 руб. за купленные у него 500 пар лаптей для 250 пленными [11, л. 37, 158, 159].

Дополнительной проблемой для местных властей стала достойная экипировка освобожденных из плена людей. Первыми покидали Астрахань рядовые (5 испанцев, 2 пруссака), штаб-лекарь Мильдо и 15 пруссаков, размещавшихся в Черном Яру. Одежда испанцев была ветхой, «к употреблению не годной», равно как сапоги и чулки. Решено было всех снабдить овчинными тулупами, армяками, холщевыми рубашками, панталонами, фуражками из серого сукна, рукавицами, сапогами и суконными онучами.

Для марша к месту назначения на каждые 12 человек полагалась одна подвода, для больных – подвода на 2 человек, для 20 офицеров – одна подвода. Черноярский городничий Усовский сообщал, что на экипировку 15 пруссаков издержано было 236 руб. 25 коп. Губернатор инструктировал Усовского, что для пошива шинелей следовало найти необходимое сукно, а если такового не найдется, употребить кре-

стьянское сукно, «не разбирая цвета», но прочное. Вместо лаптей нужно было «искупить сапоги», шерстяные чулки и теплые рукавицы. На шитье одежды рекомендовалось мобилизовать всех портных Черного Яра [11, л. 13–16]. Одеть прилично иностранцев было делом государственной важности: речь шла о возвращении военнопленных из «миротворной» России, блиставшей в лучах славы державы-победительницы.

Крайняя нужда пленников в одежде требовала серьезных денежных затрат, а потому, на очередной рапорт черноморского городничего о нехватке одежды, губернатор заметил, что на «сии надобности» пленные должны зарабатывать деньги «трусами рук своих», занимаясь работами у местных жителей по добровольному и взаимному согласию.

Поступавшая в Петербург информация с мест, где размещались пленные наполеоновской армии, свидетельствовала о фактах проявления «пьянства» и даже «лютовства» (Вятская губерния) со стороны пленных. Во избежание возможных беспорядков из-за пагубных пристрастий, решено было употреблять их «в городские работы», выдавая деньги из городских доходов. В Астраханскую городскую думу направили запрос о видах деятельности, возможных для использования труда военнопленных. Городской голова Плотников рапортовал вице-губернатору Андрею Ивановичу Коростовцеву, что военнопленные могут принимать участие в исправлении валов (Астрахани каждую весну грозило наводнение), ремонте казенных домов, мостов, чистке труб, улиц, каналов для стока воды и др. Так, в апреле 1813 г. на городских работах, по докладу полицмейстера, были задействованы 123 пленные за плату 10 коп. в день (12 руб. 30 коп.).

С жалобой на военнопленных, направленных для выполнения «канальных работ», обратился в августе 1813 г. известный астраханский благотворитель, надворный советник и кавалер Варваций. Иван Андреевич за собственные деньги принял за окончание работ по обустройству канала, соединявшего Кутум и Волгу. Он свидетельствовал, что пленные либо опаздывали на работу, либо совсем к месту работ не являлись. Подобную жалобу принес Андреевскому и полицмейстер, только речь в ней шла о сооружении стоков для дождевой воды. Эти работы были «казенные», а потому от Курбатова потребовали строгости в исполнении поручения: назначать «в каждое место» по 15 военнопленных, предупреждать их о предстоящих работах вечером [12, л. 51, 68].

Пленным разрешалось наниматься «в услужение» к частным лицам без отлучения от предписанной губернии за определенную плату, что влекло за собой прекращение выплат «из казны денег и провианта».

Серьезной проблемой для губернской власти стало лечение военнопленных – раненых и больных. Сказывались на здоровье тяжелые условия войны, плена, переходов их одной губернии в другую, жизнь в непривычных климатических условиях, отсутствие должного количества лекарей, медицинского персонала. Енотаевский городничий распорядился соорудить нары в городском лазарете для больных пленных. Военного госпиталя в Астрахани, кроме состоявшего при Астраханском порту, не имелось. Был полковой лазарет Астраханского гарнизонного полка. Красноярский городничий сообщал, что из 9 пленных – 2 заболели, а лекаря в городе нет. В Красный Яр 1 марта 1813 г. направили лекаря Орловского из Астрахани для оказания помощи больным и снабжения их лекарствами. Андреевский предложил Астраханской врачебной управе рассмотреть вопрос о привлечении военнопленных врачей для лечения больных пленных.

В январе 1813 г. стряпчий Змиев докладывал губернатору, что в числе пленных находятся два медицинских чиновника: штаб-лекарь первого класса «майорского чина» пруссак Мильдо и второго класса поручик, уроженец Богемии Бургоний. Они не только лечили тяжелобольных пленных, тех, кто находился в больнице Приказа общественного призрения в г. Астрахани, но и осматривали ежедневно «здешних людей» (астраханцев) и военнопленных в казармах. По их рецептам в аптеках выдавали лекарства. Однако это не поощрялось властями. Губернатор запретил Мильдо осматривать заболевших местных жителей и выдавать в аптеках по его рецептам ле-

карства. В Павловской больнице лечили от «часоточной и осыпной» болезнью летом 1813 г. 14 поляков. Если пленные заболели, их направляли в городскую больницу (за свой счет и свой провиант). По мере увеличения числа военнопленных французской армии в Астраханской губернии остро встал вопрос о назначении в уездные города врачей, а поскольку своих врачей не хватало, решили направить туда «лекарей» из числа самих пленников.

В Черном Яру находились два медицинских чиновника: француз Леборн и поляк Вансович, взятые в плен 16 сентября 1812 г. под Подольском.

Вместе с тем, губернатор предостерегал Врачебную управу от «излишеств» в тратах на лекарства при лечении пленников, призывал к использованию домашних средств [13, л. 98, 7–11]. Наиболее известным в Астраханском крае был француз Эммануэль Руссо [14, л. 11–11 об.].

Некоторые из пленников приняли решение стать российскими подданными. В октябре 1814 г. в рапорте черноморского городничего упоминается о 15 военнопленных, пожелавших вступить с подданство России. 10 из них – хотели «записаться» в астраханские, 3 – в саратовские, 2 – в красновские мещане. Из поляков, пожелавших стать подданными России (август 1814 г.) – Франтишек Драк (аптекарь), Юзеф Горлатовский (портной), Якуб Филь (сапожник), Юзеф Гиршбергер (сапожник), Якуб Врублевский (сапожник), Алексей Александров (портной), Петр Брезета (портной), Антоний Кохановский (музыкант), Петр Кириллов (портной).

Решение остаться в России приняли в 1813 г. находившиеся в плену голландец Пьер Гакино, француз Жан Ройер, итальянец Франсуа Гардин. Желание записаться в астраханские мещане подтвердили в марте 1814 г. Ф. Гардин и Ж. Ройер. В мае 1814 г. записаться в астраханские мещане захотели два французских рядовых – П. Денни и Ж. Гофман [15, л. 381–328].

Среди 36 военнопленных, находившихся в Астраханской губернии и изъявивших желание стать подданными Российской империи – 26 поляков [17, с. 170]. Продолжительность пребывания в Астраханской губернии у военнопленных была разной. По мере развала наполеоновской коалиции, заключения договоров России с европейскими государствами освобождались из плена и граждане этих государств. Первыми желанную свободу получили испанцы (5) и пруссаки (18). В мае свобода была дарована саксонцам. В июне 1813 г. из Астрахани отправили 4 саксонских рядовых, которым предстояло пройти путь по маршруту: Рязань – Белосток – Дрезден. В июне же до Харькова препровожден был подполковник Цван, до Тернополя – капитан граф Дрогаевский, очевидно, оба были освобождены по именному указанию. Транспортные расходы по первому составили 204 руб. 48 коп., на второго потратили сумму в 326 руб. 52,5 коп.

С сентября по декабрь 1814 г. Астраханскую губернию в трех партиях в направлении г. Белостока покинули военнопленные поляки: 604 человека нижних чинов и 14 женщин. Таким образом, Астраханская губерния в течение 2,5 лет была местом ссылки более тысячи военнопленных наполеоновской армии, ставших объектом государственной политики.

Список литературы

1. ГКУ АО «Государственный архив Астраханской области» (ГКУ АО «ГААО»). – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 334.
2. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 334.
3. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1202.
4. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1188.
5. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 334.
6. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1188.
7. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1218.
8. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1498.
9. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1202.
10. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1203.
11. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1463.
12. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1212.

13. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1188.
14. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1014.
15. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1202.
16. Тимофеева Е. Г. Политическая элита Астрахани в системе городского управления / Е. Г. Тимофеева, С. В. Лебедев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 4. – С. 261–266.
17. Хомченко С. Н. Военнопленные поляки в Астраханской губернии в 1812–1815 гг. / С. Н. Хомченко // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы : мат-лы XIII Всерос. науч. конф. – М., 2006. – С. 306–313.
18. Хомченко С. Н. Военнопленные армии Наполеона в астраханской губернии 1812–1814 гг. / С. Н. Хомченко // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы : мат-лы XIV Всерос. науч. конф. – М., 2007. – С. 166–175.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ПОЛИЦИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

**Н.А. Болотов
(Россия, Волгоград)**

В статье осуществлён комплексный анализ историографии вопроса о служебно-оперативной деятельности органов внутренних дел на железнодорожном транспорте Нижне-волжского региона с момента формирования первых жандармско-полицейских частей в 1882 г. вплоть до их ликвидации после Февральской революции в 1917 г.

The article provides overall assessment of the historiography of railroad police in the Lower Volga region since the moment of forming first gendarme-police units in 1882 up to their liquidation after February revolution in 1917.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, железнодорожная полиция, реформа полиции, историография, источники.

Key words: rail transport, railroad police, the reform of the police, historiography, sources.

Огромную роль в функционировании общероссийской сети железных дорог сыграло Нижнее Поволжье, которое с бурным развитием капитализма во второй половине XIX в. получило надежную связь с центром и границами империи.

Развитие транспорта всегда является составной частью социального прогресса, который, к сожалению, имеет и оборотную сторону: кражи, захваты заложников, убийства, несчастные случаи. Преступления на всех видах транспорта, в том числе и на железных дорогах, представляют собой угрозу государственной и социальной безопасности. Подтверждением этому служит ряд крупных террористических актов со значительным количеством жертв. Речь идет о терактах, совершенных на отечественных рельсовых магистралях в последние годы (подрывы поездов московского метро в 2004 и 2010 гг., крушение «Невского экспресса» в ноябре 2009 г., взрывы в электропоездах на Северном Кавказе). Таким образом, потребность в совершенствовании обеспечения общественного порядка и предотвращения преступлений на железных дорогах всегда является актуальной.

В деятельности жандармских управлений и отделений железнодорожной полиции находили отражение характерные черты, присущие государственному и общественному строю дореволюционной России. Железнодорожные жандармско-полицейские органы действовали в условиях различных форм собственности обслуживаемых предприятий, потому данный опыт заслуживает сегодня особого внимания в свете реформирования отечественной правоохранительной системы. 1 марта 2011 г. российская милиция была переименована в полицию. Президент РФ Д.А. Медведев, министр внутренних дел РФ Р.Г. Нургалиев неоднократно заявляли о том, что реформа заключается не только в смене названий, вывесок и униформы. Предполагается существенное увеличение материального жалования, а также ужесточение требований при наборе кадров в органы внутренних дел. При этом немаловажен воспитательный момент: прежде всего, название «полиция» подчеркивает историческую преемственность деятельности сегодняшних блюстителей порядка с борцами против криминала дорево-